

Алик Гасанов
Муж на час

Истории из жизни. Сборник № 7



Алик Гасанов
Муж на час. Истории
из жизни. Сборник № 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23466043

ISBN 9785448394362

Аннотация

В данном сборнике вы найдёте небольшие истории из жизни. Короткие истории о любви, взаимоотношениях. Неплохое чтение для поезда и не только.

Содержание

Понты, нарды и цырлы	5
Люсико	11
Лёха Николаев	20
Руски	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Муж на час
Истории из жизни.
Сборник № 7**

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9436-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Понты, нарды и цырлы

... – Дежурный по роте на выход!, – голос дневального скучно прозвучал по продолу, и на него мало кто обратил внимания.

На каждом этаже казармы нас-солдат штук по сто. Под вечер, часикам к шести, когда уже все подразделения прибыли, в казарме шумно. Ёрзают сетки кроватей. Повсюду говор, где-то ругань. В углу гитара тренькает. Со стороны умывальника слышен шум воды семи кранов, эхо большого помещения дробит разноголосицу. Сальные шутки, попервой пугающие салаг, уже мало кого привлекают.

– Бреча!.. Проснись – ты серешь!..

– Да пошёл ты...

– Ха-ха-ха!...

Солдатская казарма – великое изобретение человечества. Разумное, неминуемое и беспощадное. «Кто был – тот знает.» Позже, через много лет, многие из нас рассказывают вполне справедливо:

– То ли отслужил, то ли отсидел...

И действительно – разница невеликая. Тот же режим, та же дисциплина, та же тягучая сладкая тоска, что когда-то это закончится. И считаешь ты дни до конца намеренного срока, и, скрывая от всех, надеешься в душе, что срок не увеличится. А срок-то и впрямь – понятие относительное. Вон,

гляди, Андрюха Борисенко на дембель ушёл позавчера. Хотя я почти и на месяц прибыл сюда раньше его, и «на киче» мы вместе с ним сидели... А Андрюха уже дома мамины пирожки трескает, а меня вон дневальный на построение кличет...
– Строимся!..

Молодой лейтенант, новенький командир роты, вчерашний курсант с пушком на щеках выглядит смешно на фоне огромного, волосатого, как чёрт, осетина Кахи. Каху призвали поздно – в двадцать четыре года. И в свои двадцать четыре Каха выглядит на мои сорок. Лицо бреет от груди до ушей, но издалека всё-равно выглядит небритым. Мужик добрый и наивный. Вздыхает всё время. Ему на дембель – через год после меня. Про таких тут шутят: «Из норы пряником выманили, и в армию забрали...»

– Построились, говорю!..

Неспешно, но быстро вдоль центра открытого коридора, разделяющего казарму на две стороны, мы строимся длинной корявой цепью, на ходу переговариваясь, застёгивая ремни и пуговицы.

– Равняйся!... Смирно!

Летёха ещё не объезженный. Орёт, как у себя в военном училище. Мы ему прощаем это. Но в любую секунду то там, то тут моментально вспыхивает перебранка.

– Смирно, говорю!.. Зубков!..

Сашка «Зуб», здоровяк из Харькова, моего призыва, по-доброму тянет плаксиво:

– Ну шо вы так орёте, тащ-летенан?.. Ну, стою я уже...

Тот и правда орёт чуть не в лицо. Сашка утром только вышел из ШИЗО. Он ждёт отбоя, «щёб харю замочить як следоват», а тут орут...

– Разговорчики!.. Р-равняйсь!..

Чем длиннее паузы между командами, тем это больше раздражает. Действительно, какого хрена? Все построились? Построились. Стоим молча? Стоим. Нет, надо именно выждать минутную злорадную паузу, когда все замерли, повернув рожи в одну сторону, и потом, не спеша проходясь вдоль строя, придирчиво вглядываться, вдруг кто-то ни так как надо выровнялся...

– Р-равняйсь, говорю!..

После пятисекундной паузы, Зуб, равняясь изо всех сил, опять не выдерживает, негромко обижаясь в тишине:

– Та ну на хер!..., – взрыв всеобщего хохота, – Куда уже ровнее, бляха-муха... Тащ-лейтенант?.. Ну щё вы..

Строй сломался. Пошли разговорчики, хохот, кто-то присел, закрыв лицо от смеха, топот, бурчание.

Я тоскливо понимаю, что продолжаться это может долго, а стоять по стойке «смирно» действительно не охота:

– Зуб, завязывай.

– Та чё он причипився?.. Задолбал, в натуре... Я спать хочу...

– Рядовой Зубков!..., – лейтенант сатанеет, подскакивая в упор. Но делает он это зря. Сашка Зуб выше его на голову

и тяжелее кило на сорок. Сверху смотрит любовно, аж дурашливо. Всё, Сашку разозлили, и он впадает в своё привычное состояние. Скольких уже таких «командиров» он довёл до крика.

– Рядовой Зубков!.. Выйти из строя!..

Зуб выходит.

– Отставить!..

Лейтенант бросает гневные взгляды по ряду, понимая, что всё сломал. Мы совершенно расслабляемся. Хохот, шуточки, полный бардак в казарме.

– По команде «из строя» вы должны ответить «есть!»!.., – кричит лейтенант, краснея, – Два наряда вне очереди!..

– Ось спасибо!.., – Сашка лыбится во всю рожу, поворачивается, и, на ходу переговариваясь с сослуживцами, под одобрительный смех вразвалочку идёт к выходу, – Гасан, я на кухне!.. Хочь выплусь...

– Зубков!.. Рядовой Зубков!..

Все ржут. Зуб, не поворачиваясь, спокойно шурует к выходу:

– Та пошёл ты...

Лейтенант сжимает губы, презрительно провожая негодя, всем видом показывая, что с таким даже разговаривать офицеру не гоже.

И всё начинается снова...

Через пару минут я догоняю Зуба возле столовой и мы идём к хлеборезу-Закиру, где нас ждут нарды, чай и видик...

...А через неделю нас ни с того ни с сего построил в роте аж целый начштаба (!), перед которым «понты колотить» было просто не солидно. Дядька седой, уважаемый. И мы всей ротой вышли на плац, где перед огромным построением незнакомый офицер чего-то там нам объяснял про международную обстановку, и про то, что «всё в наших руках», вертел в руке бюллетень, поясняя «в сотый раз»:

– Всем ясно, товарищи?.. Вот тут, в самом первом квадратике, ставим галочку и расписываемся!.. Всем понятно, я спрашиваю?.. В самом первом квадратике!.. Понятно?...

И наши офицеры бегали перед ним на цырлах, с уважением поглядывая на бумажку, покрикивая по рядам:

– Тихо там!.. Все поняли?.. «В самом верхнем квадратике!»...

И потом всей частью (человек пятьсот!) мы шумно набились в офицерский клуб, где по-одному подходили к столу, торжественно ставили галочку в заветный квадратик и расписывались.

...Почти месяц ещё я шарахался по части, изнывая от безделья, с грустью отмечая, что из сотни дембелей нас совсем недавно оставалось ещё человек двадцать почти, и вот уже даже Зуб умотал домой, а я всё тут...

А потом выяснилось по телевизору, что Советского Союза больше нет, а я до сих пор и не знаю даже: я был против этого, или «за»?..

Люсико

В огромном трёхъярусном здании на каждом этаже по сотне маленьких магазинчиков, бутиков, салончиков... Везде зеркала, стекло и отблески отражений. Всё заставлено одеждой, мебелью, ни одного свободного места. В каждом отделе своё направление. Наташка вон – «колготки, косметика», у красавицы Марины – «детская одежда, кроватки, игрушки», Женька – вообще торгует всякой аптечной мелочёвкой. Музыка звучит на каждом этаже, и в каждом углу своя. По радио рекламу все наизусть уже знают и подпевают всяк на свой манер:

– «... мир дверей приглашает вас посетить... по адресу...», – уговаривает бархатный баритон под звуки природы.

– Женька!!.., – тут же кричит забияка-Наташка, не обращая внимания на посетителей, – давай про тебя тоже рекламу закажем?, – и в тон радио делает томный басок, сексуально закатывая глаза, – «Мир клизм... приглашает вас посетить Женя... на втором этаже...»

Все хохочут, а Женька до конца толком не расслышала и теперь переспрашивает ближние отделы, улыбаясь во всю рожицу:

– Чего она сказала?.. Чего?.. Ух, зараза!..

...Девчонки меняются тут часто. Но всё же есть основной костяк. Наталья Павловна – «открытки, бланки, ксерокопия

под лестницей», уже лет десять тут, например. От всего зависит, на сколько останется человек. И от товара, и от продавца, и от хозяина... Бывает, такой козёл попадётся...

К «новеньким» присматриваются пристально, но не обижают, помня себя в первые дни:

– Я как вспомню, как я в первый день пришла... Караул!..., – Марина отхлёбывает из кружки в перерыв, во время часа законной тишины, когда девчонки собираются в отделах стайками на обед. Кто-то уходит домой, кто-то спускается вниз, а эта «семейка» собирается в кучку, чавкает весело, сплетничает и ржёт.

Новенькая Люся напротив всё ещё разбирается с товаром, неловко прохаживаясь вдоль витрины, рассеянно оглядывая кучки коробок. У неё «кроссовки, кеды, галантерея» – товара мелочёвого много, ценников – миллион. Девчонки поглядывают, как Люся вздыхает, озираясь по углам...

– Ни чё..., – Женька усмехается понимающе, – я тоже сначала... обалдела...

Увидев, что «новенькая» наконец-то присела, сложив руки на коленях, поглядывая на часы, Женька чуть выглядывает из отдела:

– Эй!.. Тебя ведь Люда зовут, да?.. (та кивает испуганно) Кружка есть у тебя?.. Пошли чай пить!..

Кружки у Люси нет. У всех «новеньких» одна и та же проблема покоя веку – в первый рабочий день они неудобно одеты, не знают, где можно поесть, где туалет, и вооб-

ще – припёрлись на работу без кружки!.. Но это – ни проблема. В каждом отделе этих кружек – хоть жонглируй ими. От «старых» продавцов остаются обычно, а выбросить никто, как правило, не торопится. Мало ли?.. И вот сидит вся красная от внимания Люся с чужой кружкой в руках, а девчонки со всех сторон суют ей, кто конфету, кто пирожок, а Люся уверяет всех, что совершенно не голодна, и её забрасывают вопросами и советами, и она вертит головой во все стороны, и улыбается, и не поймет, кто серьёзно говорит, а кто смеётся. Дура-дурой, короче говоря.

Девчачий коллектив (если он действительно сплотился) – мощная вещь. Тут есть наставники и есть «дурынды», которых воспитывают всем миром. Каждый обед для девчонки «тематический». То всем табором вправляют мозги дуре-Оле, которая в открытую заигрывает с охранником Лёшей, и все знают, что Олин муж скоро набьёт морду обоим. То бурно обсуждают недавнюю кражу сумочки в отделе «прокладки, стельки, тушь». Теперь вот на всеобщем внимании основная забота о «новенькой».

По неписанному правилу, как только Люся ушла в свой отдел, каждая вынесла ей короткий вердикт.

– Ни чё так девчонка... Скромная, – Наташка просто подвела итог, и все согласно кивнули:

– Да. Ни чё так...

Это значит, что Люсе будут помогать и подсказывать, а если что ни так, то и по шее Люся схлопочет запросто, на пра-

вах уже «своей».

С чьей-то лёгкой подачи «новенькую» тут же окрестили ласково Люсико.

И она и вправду неплохая девушка. Тихоня, ни яркая, но ухоженная, чистенькая. Одежда на ней скромная. Свитер старый, застиранный. Сбитые носки сапожек чёрным маркером закрашены.

Люсико покорно приняла роль «младшей», и это немножко смущает девчонок.

Наташка кричит:

– Люсь!.. Ты вниз не пойдёшь?..

«Вниз» – кодовое название туалета. Девчонки туда ходят по негласной очереди, чтобы сосед приглядел за отделом, или покурить на пару. Не будешь же кричать на всю Ивановскую «Люся, пошли в туалет!»? ... И этот вопрос про загадочный поход «вниз» – для девчонок дело привычное. Пароль.

А бледная Люсико тут же вскакивает, таращит глаза, будто ей дают серьёзное поручение, аж из рук всё бросает, и Наташка смеётся, махая руками:

– Не-не-не!.. Занимайся!.. Я просто думала, что ты не занята... Не-не!.. Ни чё!..

Если продавец занят покупателем – не мешай. Второе святое правило.

... Через несколько дней всем сразу же стало ясно – Люсико бедствует.

Девчонок не проведёшь. Пять пар шустрых глаз подметят всё. И сапожки, и частые длинные вздохи. Девчонки знают, что «бывает...», и что ни каждый день коту Масленица и т. д., но и лезть с помощью тоже... уметь нужно. Люськина «отмазка» с тихим смешком на тему «я вообще-то мало ем», всеми была демонстративно отвергнута, но и с ложечки никто кормить никого не собирается.

– Копыта когда откинешь – посмотрим!.. скока ты ешь..., – Женька укоризненно качает головой, грозит пальцем, – Дурака не валяй, говорю. Нужно нормально есть. Холод собачий... Если денег нет – скажи. Я займу!.. У нас тут всё по-простому... Сама как-то «ролтоном» целый месяц питалась!..

Девчонки вздыхают и аккуратно кивают, на рожицах ни тени улыбки, мол, эт-точно!.. Бывает...

И Люсико благодарно улыбается, соглашается, непривычно чувствуя себя в центре внимания, обещает «исправиться и дурака не валять»... А сама всё реже приходит к девчонкам, обедает у себя в отделе, с кружкой в руке, ссылаясь на интересную статью, которую надо дочитать.

...Терпение лопнуло как ни странно у обычно помалкивающей Маринки. Прямо с утра, не дожидаясь обеда, она хмуро подозвала девчонок к своему отделу:

– Ты представляешь, что эта дура вытворяет?..

Девчонки переглянулись и машинально посмотрели на Люськин отдел. Той ещё не было, сейчас приползёт.

– Представляешь?!.. Вчера на остановке стою, а эта дура... в обморок падает!.. Представляешь?!..

Девчонки синхронно нахмурились, и Маринка зло шепчет, аж краснея от обиды:

– Я сначала думала, что она беременная!.. Смотрю – как-то качает её иногда... А вчера смотрю – у этой дуры голодный обморок!..

– ... Девочки, я сначала говорить не хотела!.., – Наташка виновато, но решительно перебивает, рассказывает, – Она «обедает», а я мимо прохожу... чё-то по делам шла, не помню... смотрю – а она пустой кипяток пьёт!..

Девчонки таращатся теперь на Наташку, и та поясняет им медленно, по слогам, как детям:

– Она пьёт – просто – горячую – воду. Без сахара даже. Без ничего!..

...Пришла Люсико, румяная с мороза, на красные мокрые ладони дышит, на носу капля болтается. Девчонки сухо поздоровались, не сомневаясь, что в обед будут «крупные разборки».

...Наташка в туалете не унимается, прикрыв дверь спиной:

– Нет, ну ни дура, а?.. Язык отвалится сказать: «Так и так, девчонки, чё-то я не тяну в этом месяце...» А?.. Марин?..

Та зло моет руки, хмуро кивает в зеркало, воинственно готовясь к обеду, негромко рассуждает:

– Она месяц-то работает уже?.. Когда у неё зарплата?..

...Но в обед к Люсико в отдел «пришёл товар», и она теперь сосредоточенно мечется с коробочками, переставляя их с места на место, и девчонки зря поглядывают в её сторону, точно зная – «принять товар» – тоже святое, и все обычно в такие дни обедают «по ходу пьесы».

А на следующий день Люська просто ушла за минуту до перерыва и целый час где-то шлялась, а вернувшись, опять уткнулась в свою газету с кружкой в руке.

– Она эту газету уже третью неделю читает... Не начитается никак..., – неприязненно ворчит Наташка.

– Не хочет по-хорошему, – умная Марина пристально смотрит на Люсико, усмехаясь непримиримо, – я ей по-плохому объясню.

Маринкин характер Наташка знает и уважительно молчит. Та прямолинейная и честная. Сейчас же может запросто подойти к любому напрямую и в лоб спросить, чё ей вздумается. Маринку в магазине меньше всех слышно, но её мнение для всех – закон. И вот девчонки, переглядываясь, ждут сигнала, что бы налететь на Люсико со всех сторон.

Но «налетать» не пришлось.

Неожиданно и непривычно в мерном гуле огромного магазина, среди сотен голосов, музыки, телефонных звонков, цоканья каблучков и разговоров, все вдруг отчётливо услышали голос Люсико. Наташка сначала не поверила и замерла у своей витрины, вопросительно уставившись на Маринку. Да, это действительно Люськин голос!.. И она что-то выкри-

кивает всё громче и громче:

– Зачем ты пришла?!.. Зачем?!.. Уходи, говорю!.. Уходи, пока никто не видит!..

Маринка исподлобья смотрит в Люськину сторону, не шевелясь.

Олька из «нугабэст», проходившая куда-то мимо, засмотрелась в ту же сторону и врезалась в мужика, остановилась.

– ... Уходи, я тебе говорю!.. Пошла вон!..

Напротив Люсико через витрину стоит женщина лет пятидесяти. Грязная засаленная болоневая куртка, мужские ватные брюки, на босых ногах огромные мужские кроссовки без шнурков. Пунцовое лицо совершенно опустившегося человека, беззубым шамкающим ртом, с запёкшейся коростой на разбитых губах, виновато уговаривает:

– Ну ни ругайся, доча!.. Ну, чего ты?.. Я сейчас уйду... Вот мандаринчиков тебе принесла.

Женщина протягивает в руке небольшой прозрачный кулёк, полный очищенных (!) мандаринов... С мокрого кулька капает на витрину.

Люсико видит, что девчонки смотрят и задыхается, бледнея, свирепо шепчет искажённым злобой лицом:

– Уходи отсюда!.. Уходи, сука такая!.. Ненавижу тебя!..

Не меняя выражения опухшего лица, видимо давно привыкшая к таким словам, женщина канючит:

– Ну чего ты, доча?.. С днём рождения тебя мама пришла поздравить... Ну чего ты?...

Сквозь поток посетителей девчонки видели, как Люсико с женщиной ушли в сторону эскалатора, и через пять минут Люсико вернулась, и потом с вытаращенными глазами молча швыряла коробки из угла в угол, не находя себе места.

На следующий день она не пришла.

А через пару дней в её отделе появилась «новенькая».

Лёха Николаев

...В армии со мной служил Николаев Лёха. Невысокий тихий пацан из мордовской деревни Николаевки. На полтора года меня младше. Я как-то случайно увидел, как он рисует, и был потрясён. Мало того, я был просто раздавлен. Меня всегда считали одарённым в плане рисования, и со школьной скамьи я до сей поры слушаю дифирамбы в свою честь от родных и близких. Мне так и говорили всегда:

– Я, мол, никогда не встречал (ла) человека, который бы так мастерски мог рисовать!..

И мне это иногда льстило. Почему «иногда»? Потому что с возрастом понимаешь, что любое признание твоего успеха напрямую зависит от осознания весовой категории зрителя. Да, это неплохо, когда ваш двухлетний сын восторженно тащит глазки на ромашку, нарисованную вами мелом на асфальте. Но когда взрослый человек, с зачатками явного вкуса, со сложившимся эстетическим и ещё и профессионально закалённым чутьём, вдруг засмотрится вашим рисунком, и без тени фальши протянет:

– Да, старина... Ты мастер!..

Тогда вы понимаете, что действительно чего-то стоите. Правда ведь?

Так вот я никогда не встречал более человека, который рисовал бы так замечательно, так быстро, изящно и красиво,

как наш Лёха Николаев.

Скромный до застенчивости, малозаметный Лёха, простым карандашом, словно скальпелем, делал несколько точных взмахов, и я замирал, потрясённый. Те линии, которые я оттачивал порою по десятку раз, терзая лист стёркой, Лёха бросал на бумагу небрежной жменью, совершенно не заботясь, получится или нет? Ни одного неверного движения, ни одной зазубрины, Лёха сразу же выдавал миру отполированный до блеска портрет или фотографически точный пейзаж, приводя меня в изумление. Будто в насмешку, он подтирал пару раз пальцем по рисунку, и тот оживал, углубляясь тенью и объёмом. И, совершенно замороженный, я смотрел, пытаюсь предугадать, как будет развиваться картинка в руках её Создателя. Из неряшливых завитушек и линий совершенно волшебным образом на бумаге проявлялось милое женское лицо, плечи плавно переходили в неловкий изгиб руки, обхватывающей кувшин, тяжёлый локон спадал на бархатную щёчку, и вдруг я замечал тревогу во взгляде, и взгляд этот тут же падал в сторону и вниз, и через минуту я уже соперничал – кувшин с водой тяжёлый, а камни у ручья скользкие... Летний зной бросает густую тень от точёной фигурки, отражаясь в ряби ручейка. Ах!.. Боится упасть красавица кудрявая!.. Смотрит под босые ножки... Ох, и расплескать воду не хочет на цветастое платье... Боже мой, как же хороша!.. И рисовал коварный Лёха скалистый уступ, и корягу на заднем плане, за подол вот-вот зацепится... И кустарник

колючий ягодами сочными манит, а попробуй тронь!.. Исцарапает шипами костяными!.. Так и хочется остановить художника: Шо ж ты делаешь, паршивец? Упадёт же, действительно!.. Кувшин-то на полтора ведра!.. А он-змей, хихикает неслышно, и вот сбоку красавицы мгновенно вырастает парень смеющийся, который поддерживает кувшин, и так топчется помочь, что ногами в ручей встал, почти по колена штаны замочил, сапожки не жалеет, с удовольствием на девушку глядит, насмотреться не может. И зарделась уже испуганная прелестница. Глазки чуть потупила, но голову держит гордо. Помощь принимает учтиво, но глазки чуть в сторону косит, над собой смеяться не разрешает. Уф!.. Обошлось...

Так вот рисовал Лёха Николаев.

И писать о нём нужно так.

Руски

Историю эту я долго не решался рассказывать. В госпиталь к нам попал пацан лет восьми, из Дагестана. Помню только имя – Руслан. Пацан был здоровый и шустрый. Но девать его было некуда и поэтому участковый, после долгого разговора с главврачом, определил его на время к нам в изолятор госпиталя. «Да выяснени стаятильства...», – объяснял всем Русик, как оказалось уже дважды сбегавший из приёмника-распределителя. Изолятор от остальных палат отличался тем, что находился в полуподвальном помещении с небольшим зарешеченным окошечком под потолком, практически в самом конце длинного коридора. Тишина звенящая. Также странной особенностью было то, что, кроме двери, была ещё в дверном проёме всё время закрытая решётка. Выйти из палаты было можно, только позвав санитаря. В туалет сбоку от нашей «палаты» ходили по графику. Кормили прямо в палате. Нас вместе с пацаном стало четверо. Санёк – дезертир, ждал трибунала, но из-за болезни содержался тут. У него был «тубик», и он ел отдельно. Я, и хохол Коля, порезавший себе вены в колонии, так же ожидавший суда. Коля проигрался в карты и «закрылся на больничку».

Руслан быстро освоился. Просидев с час на своей кровати, он, болтая ногами в новых мужских кроссовках размера на четыре больше, чем надо бы, с интересом озирался, заку-

тавшись в большую, размером на толстого мужика, старую потёртую кожаную куртку. Потом стал прохаживаться по палате, проверил краны в умывальнике, потряс тихо решётку, подошёл ко мне:

– Ты давно тут?

С трудом сдерживаю улыбку, глядя в детские глаза:

– Второй месяц.

Пацан понимающе кивнул, посмотрел на бинтованные руки:

– Болит?

– Нет.

Кивает спокойно, проходит дальше, к Коляну:

– А ты давно?

Колян улыбается, садится на кровать:

– А тебя сюда зачем?

...Пацан разговорчивый, спокойный. Запросто принимает угощение. Со всеми на «ты». Абсолютно смелый взгляд. Разговор начинается неожиданно. Подходит и говорит, глядя спокойно, в упор:

– Дай яблоко, дядя.

Колян тихо смеётся, с удовольствием смотрит на ребёнка, кивком-взглядом приглашая нас к разговору, протягивает яблоко:

– Чё натворил?

Распахнув огромную куртку, Руслан оттирает яблоко об узкий женский розовый свитер, смачно откусывает:

– Ни чё не тварил. Участковый привёл. Да выяснени... Потом брат заберёт.

Садится рядом на матрас, аккуратно откинув простыню.

Руслан пробыл у нас почти неделю. Рассказы его врезались в память.

...Он и его старший брат (на два года старше), жили с дедом. Дед старый. Остались в доме они втроём после «первой чеченской». Мать как-то ушла в магазин и пропала. Дед Муса продал корову, чтобы поехать в Грозный найти сына, их отца. Сына не нашёл, приехал больной. Денег не было. Дед лежал всё дольше и сильно кашлял, пока они с братом шастали по деревне. Где-то яблок нарвут, где-то курицу прихватят. Соседей почти не было. Все разбежались. Почти пол-улицы домов были сожжены. Редкий прохожий быстро пробежал по горелым доскам и камням на дороге. Днём бродили по разграбленным дворам, собирали дрова. Вечером закрывались дома и тушили свет. Ночью часто где-то рядом раздавались то шум мотора, то выстрелы. Два раза приходили и к ним. Слабый дед Муса научил их на этот случай и братья теперь при стуке в запертые кованые двери, хватали из-под кровати старое, как мир, одноствольное ружьё, выставляли в узкое окошко ствол и кричали поочерёдно в темноту: «Уходи, убью!». Один раз кто-то кричал весело по-чеченски совсем близко. Брат стрелял в воздух, потом они тряслись в тишине возле деда, который, слабо улыбаясь, ворчал, глядя брата по голове:

– Зачем стрелял? Два патрона было... Теперь один. Просто так не стреляй.

...В сарае, пристроенном из камней к домику так, что в него можно входить как со двора, так и из дома, у них уже два года жил русский дед. Его им отдали за долг. Деда все звали Руски. От хозяйства остался только старый пёс, скотины не было никакой, и Руски уже практически не работал. Автоматически мёл двор, иногда выходил в развороченный взрывами огород, ковырялся в земле, собирая павшие яблоки. Сварив тощую курицу, Руски напёк пресных лепёшек из остатков муки, и братья наелись, наконец, от пуза. Муса слабо похлебал бульон, и жестом отправил пленника к себе в сарай. Натужно морщась от боли, он гладил живот и говорил тихо старшему:

– Скажи ему, пусть уйдёт. Скажи, пусть днём уйдёт. Ночью заблудится, убьют.

Брат кивал, хмуря брови, говорил, когда старик разрешит взглядом:

– Отведу до моста? Мост за Мелехо солдаты ремонтируют. К ним отведу?

Старый Муса с трудом ложится на спину, громко стонет:

– Руслан, иди.

Младший выходит. Муса слабо манит старшего поближе и говорит ещё тише:

– Смотри, как он ходит. Я больной. Он тоже больной. Еды нет. Патронов нет. Вам тоже надо уходить. Русик маленький.

Смотри за ним. Я скоро умру. Сам решай. Пусть русский уйдёт, – старик с трудом поворачивается на бок, морщась от боли, говорит медленно, – или убей. Если *они* поймают, издеваться будут. Убей, если хочешь. Потом уходите.

Старик скрепит зубами от боли, кряхтя, не может уложить себя. Достав из кармана небольшой узелок, кладёт на кровать:

– Тут деньги. Мало денег. Спрячь себе. Поедешь в Москву. Там есть улица. Савецки. Дом не знаю... Забыл... Подожди...

Дед без сил роняет голову, пытаюсь отдышаться:

– Подожди. Сейчас.

Несколько минут он прерывисто дышит, растирая себе грудь: «Ой... Алла!...», вытирает большой ладонью седую бороду, говорит твёрже, словно даёт указание:

– Я скоро умру. Если они придут, вам тоже плохо будет. Егопусти. Пусть уходит. Или убей. Дома не надо. В огород веди. Если отпустишь – дай немного денег. На посту надо. И вы уходите... Утром уходите. Деньги спрячь. В Москву идите. Там Рустам жил. На улице Савецки... Дядя твой. Там спросишь. Понял?

– Понял.

– Иди.

...В сарае Руски живёт на тюфяке, рядом на стене висит куртка, тряпки. В углу старый жбан с водой. Возле него

на кучке сена гнилые переспелые яблоки. Русик любит сюда приходить. Руски добрый. Из соломы он плетёт то собаку, то лошадь. Когда была корова, он доил её. Тихо и смешно ругал куриц и готовил вкусно. Из двух-трёх продуктов он приловчился готовить так, что даже суровый Муса тайком не брезговал попробовать его стряпню. Когда пропала мать мальчишек, Руски уже готовил всегда и для этого пацаны приволокли к сараю старый тяжёлый таган с котелком. С пропажей матери стало голодно и тоскливо. Особенно вечером. Русик приходил к пленнику, садился поодаль, гладил старого пса, наблюдая как пленник ворошит в костре поленья:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.